

Каждый раз, когда я поднимаюсь на четвертый этаж в этом доме на ул. Белинского, поворачиваю рычажок старинного, еще дореволюционного механического дверного звонка и слышу за дверью быстрый топот сильных больших собак, а затем неторопливые шаркающие шаги самого хозяина, сердце мое наполняется теплым чувством. Есть в нем что-то от признательно-сыновнего, преданного, когда хочется дорогого для тебя человека обнять за плечи и сказать о том главном и важном, что уже давно живет в твоём сердце. Но открывается дверь, и приветственные слова, улыбающиеся глаза, широкий жест руки хозяина вроде бы опережают тебя своей расположенностью, доброжелательностью. И слова вновь остаются до поры не высказанными, потаенными...

Но всему свой срок.

Двадцать пять лет я духовно и интеллектуально живу с творчеством нижегородского писателя Юрия Андреевича Адрианова. За это время прочитано много его книг, очерково-прозаических и поэтических сборников, огромное количество статей в периодике. Думаю, из наших литераторов в этом отношении с ним мало кто может сравниться. Работоспособность писателя в критике и художественной публицистике, краеведении и историческом осмыслении прошлого с настоящим просто не поддаются сегодняшней оценке. И заметим сразу: это работа именно литературная, а не журналистская. Она имеет другой вес, другой уровень обобщения и вневременного проникновения.

Меня, тогда еще молодого человека, только вернувшегося из армии, жадно ищущего новых литературных открытий, читающего беспрестанно разных, зачастую необязательных, случайных авторов, не могла не захватить эта осмысленно-выстроенная, мощная, корневая творческая стихия. Именно статьи Юрия Адрианова, в которых чувствовалась основательность убеждений по многим вопросам эстетики, истории, культуры, помогли мне утвердиться в правильности собственных литературных и духовных поисков.

Впервые случилось мне познакомиться с писателем лично лишь 26 февраля 1985 года. Целый вечер проговорили тогда о литературе и живописи, истории и краеведении. Это был клад еще нетронутых идей и тем, только задуманных книг и очерков, предчувствия новых (и во многом иных, доселе у него не звучавших) поэтических строк.

Впечатление от встречи было столь огромным и захватывающим, что я находился под его влиянием несколько суток, включая не только дни, но и беспокойные ночи. К сожалению, мои робость и стеснительность помешали тогда продолжению нашего знакомства. Как я мог запросто, без какого-то очень значимого и необходимого повода прийти к человеку общероссийской известности. И мы почти расстались на огромный, по сегодняшним временам, срок — на 16 лет, до 2000 года.

Какие времена переживала страна! Сколько людей за эти годы, да и не по одному разу, поменяли свои убеждения, взгляды, отказались от прошлых идеалов, к которым сами же громче всех призывали. Сколько функционеров металось от одной партии к другой, пытаюсь угадать, какая победит, в которой состоять будет выгоднее и сытнее.

Адрианов же в это время себя не замарал ничем. Он голодал, сидя на воде и хлебе. Безденежье не давало возможности купить краски, выехать на этюды, издать книги, наконец, просто по-человечески отдохнуть.

Казалось бы, смири гордыню, поклонись кому надо, попроси помощи, послужи, в конце концов, статейкой, стишком, которые посвяти кому следует. Но есть нечто такое, чем торговать нельзя, с потерей чего сам смысл происходящего служения теряет всю цену. И Юрий Адрианов пишет в стол стихи, прозу. Печатает статьи, проникнутые глубочайшей любовью к нашей нижегородской культуре, истории.

Болью в сердце поэта отдается навалившееся на страну горе, разорение, оплевывание чести наших древних предков, наших близких дедов и отцов.

С этой поры, с девяностых годов, в его поэзии наступил период глубоких обобщений и переживаний, период надвременного, философского осмысления происходящего. Осмысления и векового пути страны, и своего человеческого значения в этом движении, своей ответственности.

Я со стороны, не имея возможности близко общаться с поэтом, следил за его думами и переживаниями, за его какой-то очень острой внутренней борьбой, без которой, наверное, немислим переход творчества в новое качество. И как я боялся, вдруг он не выдержит.

Но, конечно же, напрасно.

*Крушились на куски миры,
Темнели волны рек от гнева.
Я жил среди страшной той поры
Былинкой малой возле древа.*

.....
*Я видел сорок пятый год,
Смерть не забыла двери наши,
А значит, как и весь народ,
Испил печаль из общей чаши!*

В горниле того времени сформировалась новая позиция писателя, поэта, преданно любящего Россию гражданина. Уже не в отстраненно-благополучные сытые годы, но в годы борьбы и испытаний, в годы сражений, душевных мук, многого предательства она обрела новое качество.

Слава Богу, что и в эти годы, пусть не так часто, не теми объемами и тиражами, но книги Адрианова выходили. Находились добрые люди. Да и могло ли быть иначе? Адрианов обращается к читателю с горьким и больным, но излечивающим и укрепляющим духовно словом правды.

Словом, дающим надежду на будущее, на жизнь, на продолжение истории.

В 1999 году вышла моя книга прозы «Искушение». Не без внутренней робости я передал свой труд Юрию Андреевичу на суд. И как же был доволен, услышав через какое-то время от него по телефону: «Ну ты меня и порадовал. Спасибо!»

И мы вновь встретились в доме у поэта, как прежде, долго и о многом разговаривали, и снова уходил я от него с подарками — подписанными на память книгами и этюдами, и опять сердце мое переполнялось радостью общения с этим воистину замечательным человеком. Наполнялось благодарностью ему за то, что он просто есть на нашей нижегородской земле, в нашей жизни, культуре. Вообще-то, это еще одна из удивительных черт характера Юрия Андреевича — глубокое бескорыстие. Сколько бы я к нему ни приходил, почти всегда у него уже был приготовлен для меня какой-нибудь подарок. Чаще всего — книги, которые он с великой щедростью раздаривает тем, кого они могут заинтересовать. И не только самим им написанные, что еще понятно, но и из своей собственной библиотеки.

По этому поводу я как-то невпопад сказал: «Интересные книги, сдайте в букинистический магазин». И, похоже, это очень не понравилось Адрианову:

— Ну, зачем... Я лучше в библиотеку какую-нибудь отдам.

Мне было стыдно за свое необдуманное предложение.

В 2001 году выходит в свет первый номер литературно-художественного православного альманаха «Вертикаль» — издания, мною выстраданного. Потому я и надеялся, что оно, пусть и не однозначно, но заинтересованно будет встречено в литературной среде. Ошибся. На публикацию «Вертикали» откликнулись многие средства массовой информации, только не братья-писатели. Это при том, что ничего подобного в Нижнем не издавалось.

Юрий Андреевич ответил мне полным доброжелательством. «Вертикаль» он читал, альманах ему нравится, и, более того, выразил готовность передать для публикации на его страницах свои новые, только что написанные стихи. Совсем скоро появилась и его небольшая статья в газете «Земля нижегородская» с добрым и ободряющим отзывом на все три книжки альманаха. А потом пришло письмо и от Василия Ивановича Белова с не менее теплыми словами поддержки и со статьей знаменитого русского писателя для публикации в очередном номере «Вертикали». Так я и пережил это выпавшее мне вместо радости испытание. И слава Богу за все это!

Теперь Юрий Андреевич — член общественно-редакционного совета «Вертикали», постоянный автор альманаха, на страницах которого публикует не только свои замечательные стихи, но и интереснейшую автобиографическую прозу, исторические заметки.

Этой зимой мы часто и подолгу засиживались у Юрия Андреевича за разговорами на самые разнообразные темы. Изредка он просил свою супругу Наталью почитать стихи, но большей частью мы говорили о литературе. Вспоминал Юрий Андреевич свои многочисленные встречи с людьми замечательными и известными, свои поездки на север России и в среднеазиатские республики Советского Союза. С болью, неравнодушно, говорил поэт о теперешнем времени, о разоре и поругании Родины, о нищете и обманутости своего народа. Рядом, будто понимая, о чем идет речь, вздыхали лежащие у его ног две большие красавицы гончие. Картины и книги окружали поэта, разместившись вдоль стен, на полках, на рабочем столе. Все говорило о большой и постоянной интеллектуальной, творческой работе, совершающейся в этих стенах. И поэзия, и проза писателя год от года становятся все весомее, все глубже и философичнее. А значит, нас, его современников, еще ждут новые художественные открытия, открытия мысли и духа.

Вот только бы научиться нам по достоинству ценить то, что дано нам Богом в этой жизни. Ценить и беречь. И не стесняться говорить достойные слова людям, давно их заслужившим, не дожидаясь юбилеев и каких-то особых дат.

Обнимаю тебя, наш замечательный поэт. Да будет путь твой согрет любовью и уважением благодарных тебе людей.